

К Н И Г А 3

А Н А Ш Е Р Р И

■ ХРУПКОЕ ■
равновесие

СТАТУС-КВО

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ш49

Художественное оформление серии
Петра Петрова

Шерри, Ана.

Ш49 Хрупкое равновесие. Книга 3. Статус-кво / Ана Шерри. —
Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-114094-6

После трехлетнего отсутствия Диана Оливер возвращается в родной город. Но там ее не ждет ничего хорошего: Лео мертв, дома нет, а Стефано Висконти снова жестоко предал. Время оплакивать потери и сожалеть об ошибках подошло к концу: Диана должна найти убийцу и жестоко ему отомстить. И пусть против нее восстанет весь мир — она своей цели добьется!

Так она думала, пока внезапно в ее жизни не появился человек, который готов снова научить ее любить и жить в мире без страха, оружия и криминала. Сможет ли она отпустить прошлое и довериться ему, как однажды доверилась Черному Дьяволу? И позволит ли ей этот Черный Дьявол стать счастливой? Ведь ему известно о каждом ее шаге, о каждом вздохе...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-114094-6

© Шерри А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Г Л А В А 1

Спустя три года после случившегося Аризона, США

Сквозь густую зеленую траву виднелось озеро, в котором плавали дикие утки. Одна из них повернула голову в сторону кустов, будто предчувствуя неладное. Наверное, птицы чувствуют приближение опасности.

Утка не могла видеть дула ружья, которое было направленно на нее, но все же в эту самую секунду она смотрела в лицо смерти. Палец плавно нажал на спусковой крючок, и тут же раздалось оглушительное кряканье множества птиц вперемешку с собачим лаем. Собака кинулась из кустов к озеру и, плюхнувшись в воду, поплыла к утке, чтобы схватить ее, пока та не ушла под воду.

— За год ты перестреляла всех уток, — усмехнулся Алекс Диккинс, опустив ружье и наблюдая за тем, как Дик плывет обратно с добычей в зубах.

Диана хитро улыбнулась и перекинула ружье через плечо. Да, у нее настоящий талант. А год назад она решила, что ей стоит развивать его. Утка — это мелочь, всего лишь тренировка. В этом мире есть те, в кого не так просто попасть.

— Мама приготовит утку по-пекински, — улыбнулась она, хотя понимала, что это блюдо всем изрядно надоело, — или можно отдать трофей соседям.

— Не стоит отдавать соседям, в Интернете полно рецептов блюд из дичи.

Девушка кивнула и перевела взгляд на собаку, которая стояла рядом, виляя хвостом и сжимая зубами птицу:

— Молодец, Дик, мы отличная команда.

Алекс улыбнулся и направился в сторону машины, Диана подмигнула Дику и пошла следом.

После всего, что произошло, Алекс уже не боялся брать девушку с собой на охоту. Когда-то она ненавидела маминого мужа, теперь же он стал ее лучшим другом. Мама тоже изменилась. Казалось, она очень рада дочери: всячески пыталась окружить ее заботой, улыбалась, но за улыбкой прятала страх. Диана видела это, но не осуждала мать. Кто угодно станет бояться человека, который однажды приставил себе пистолет к виску. Человека, который на два года был направлен в психиатрическую клинику.

Диана шла по лесу вслед за Алексом, рядом бежал Дик — она наблюдала эту картину уже год. Время как будто остановилось, совершенно ничего не менялось. Но девушка знала: это лишь затишье, пауза перед решающим прыжком.

Годом ранее
Частная психиатрическая
клиника «Милосердие»
Юта, США

Белые стены этого заведения изрядно надоели. Даже сейчас, когда Диана сидела перед комиссией, которая должна была вынести вердикт, они ее раздражали. Хотелось на волю, убежать от этой белизны. Сколько она прошла таких комиссий за последние два года? Девушка сбилась со счета. И решение всегда было одинаковое: психически не здорова. Все это время Диана винила себя в смерти троих человек и одной собаки, она пыталась застрелиться, потому что не видела смысла жить.

Она не помнила, как оказалась здесь. Ее пичкали лекарствами, она лежала привязанной к кровати, смотрела на белый потолок и много думала.

С ней часто разговаривал Питер Ноттис — психиатр с отвратительной внешностью и, как ей казалось, с маниакальным желанием вылечить даже здорового человека. Он рассуждал о смысле жизни, о вере в Бога, но чаще всего он говорил о своей жизни. Каждому психиатру нужен психиатр — это Диана усвоила, слушая, как сложно носить в себе истории других людей. А может, это было частью ее лечения? Неважно. Диана не вслушивалась в слова Ноттиса, она мечтала о мести. Представляла, как это будет, слышала выстрелы и смотрела, как с кровью из этих людей вытекает жизнь.

Жизнь Джона Гриффина, который убил ее сына. И Стефано Висконти, который сдал ее в это отвратительное место и ни разу не пришел к ней. Нет, видеть его она не хотела! Он очень легко избавился от нее и наверняка продолжал вести роскошный и опасный образ жизни, делая вид, что Диана в этой жизни никогда не присутствовала.

Но он-то в ее жизни был! Она это прекрасно помнила и жалела, что не хватило сил выстрелить в него возле обрыва. А надо было сделать это, а потом лишиться жизни себя...

Она вновь и вновь прокручивала в голове картины расправы, лежа на кровати, пока не осознала: чтобы отомстить, она должна вырваться из этой комнаты с белыми стенами, а значит, ей надо стать хитрее, показать, что лечение действует. Она попросила Библию и делала вид, что внимательно читает ее, и даже выучила наизусть несколько отрывков. Диана теперь вникала в разглагольствования Ноттиса. У него не было ни детей, ни жены, были только пациенты, которым он жаловаться на жизнь и рассказывал, какие ошибки он совершил. Она стала беседовать с ним, но не о себе, а о том, что можно исправить Ноттису в себе.

Увидев, что его слушают, психиатр оживлялся, а Диана понимала, что приближается к свободе, путь к которой лежал через ложь и хитрость.

Сейчас ей ничем нельзя было выдать раздражение белыми стенами и волнение перед людьми в белых халатах. Надо взять себя в руки и не наделать ошибок. Говорить о жизни и обойти тему смерти. Обычно Диана заваливала прохождения комиссии, но на этой, пятой за последние полгода, ее рассматривали как уже готовую к «выпуску» в жизнь.

— Диана Оливер, — произнес Ноттис и взял в руки ее историю болезни. Папка была слишком толстой для двух лет, в ней было все: нежелание жить, уход в себя, постоянные разговоры об умершем сыне, о виновности ее в убийствах и желании мстить обидчикам. — Это уже пятая комиссия, на которой мы пытаемся понять, готова ли ты жить в обществе. Четыре последние беседы комиссию удовлетворили, мы видим, что за время, проведенное в клинике, ты сильно изменилась и пересмотрела свои взгляды на очень многое в своей жизни. Скажи, Диана, ты все еще считаешь себя виновной в смерти сына?

— Нет, — без колебаний ответила девушка. Но это было ложью. Раньше она кричала: «Да!» — и ее уводили в палату. Сейчас вранье стало спасением. — Лео умер, и этого не изменить. Я хочу жить дальше.

— Для чего, Диана? — вмешался другой доктор, поправляя очки, которые съехали на нос. — Расскажи нам, какой ты видишь свою жизнь.

Девушка сглотнула, понимая, что они не так глупы, как она думала. Но она полгода училась врать, глядя на белые стены своей палаты.

— Я хочу жить ради своей матери, — твердо сказала она, — не хочу лишать ее своего ребенка, как однажды меня лишили моего. Я буду жить для нее.

Доктора переглянулись, казалось, ответ их устроил. Но они ждали подходящего момента, чтобы задать самый сложный вопрос:

— Поступая к нам на лечение, ты утверждала, что убила троих человек и одну собаку. Ты все еще считаешь, что сделала это?

Сколько Стефано Висконти заплатил им, чтобы они стерли из ее памяти кровь, жестокость, а главное — его имя? Верным будет только один ответ. Она должна солгать и сделать вид, что никогда ни в кого не стреляла, не знала Стефано Висконти, не являлась членом «Morte Nera». Раньше Диана срывалась во время прохождения комиссии, кричала и доказывала, что она, как и Висконти, является убийцей. Она не повторит своей ошибки.

— Меня больше не волнует моя прежняя жизнь, я хочу начать с чистого листа. Я выкинула из головы то, что было. Меня не волнуют смерти людей и уж тем более собаки.

Она поочередно посмотрела в глаза каждому врачу. Говорила четко, без нервозности, а внутри все горело от ненависти к ним и к собственному прошлому.

Ложь, ложь, ложь! Все строится на ней, она поняла это давно. Все врут. И если хочешь отомстить, ложь станет спасением.

— Нам нравятся твои ответы, Диана, — криво улыбнулся Ноттис. — Расскажи, что ты планируешь сделать, когда выйдешь отсюда.

Отточить технику стрельбы, вернуться в Окснард, посмотреть в глаза человеку, который ее предал, и приставить к его лбу пистолет! Или нет? Может, нанести хитрый меткий удар без насилия? Двух лет хватило, чтобы в мельчайших деталях представить их первую встречу.

— Думаю, поехать в Аризону к маме и заняться изучением языков. И хотелось бы устроиться работать на «Ско-

рую». Кстати, я рассказывала вам, как одна старушка потеряла уют в доме?

— Да, Диана, ты рассказывала...

Девушка наигранно засмеялась:

— Она его утопила в ванне с водой, где было много пены. Хорошо, что выключенный из розетки. Ей крупно повезло.

— Ты любишь эту историю, — голос Ноттиса потеплел.

— Я люблю истории со счастливым концом.

Надо играть и показывать свое желание жить счастливо, хотя этого уже никогда не будет. Но об этом им знать не обязательно.

— А что касается твоего сына?

А вот этот вопрос вынудил Диану перестать улыбаться, сердце бешено застучало. Но и тут необходимо одержать победу:

— Жизнь продолжается. К сожалению, люди еще не придумали метод, чтобы можно было воскресить мертвого человека.

— У тебя еще есть желание встретиться с Лео?

Это желание у нее никогда не пропадет. За два года, которые Диана провела в этом месте, дня не проходило, чтобы она не думала о Лео. Представляла их жизнь, если бы он остался жив. Но увы... Этого не случится. И за это ответит Джон Гриффин! Теперь ей терять нечего, она его не боялась.

— Конечно, я увижу его, но после того, как проживу свою долгую и счастливую жизнь.

Они хотели услышать именно это. Ни намека на самоубийство. Но тут стоит отдать должное врачам и времени, проведенному в белых ненавистных стенах: теперь хотелось жить особенно сильно.

Ее отвели в палату в ожидании вердикта. Сколько времени они будут принимать решение, она не знала, но была уверена, что наконец-то выйдет на свободу. Слегка взгруст-

нулось: да, за два года она не привыкла к белым стенам и заточению, но она подружилась с прекрасным человеком — Сарой Киндельман. Единственной подругой в этом забытом богом месте. Камиллу и Фрэнка сюда не пускали, она не видела никого из своей прежней жизни. Возможно, это входило в план лечения. А возможно, Стефано Висконти запер ее здесь в одиночестве, чтобы отомстить. Но за что? Сейчас это уже неважно. Она разберется с ним позже, желание мстить переполняло ее. Ему воздастся за то, что он сделал из нее подобие себя и жестоко втоптал в грязь.

— Уверена, через пару дней ты выйдешь отсюда. — Сара хитро улыбнулась и откинула бледно-рыжие волосы назад. Они вились так сильно и упрямо, что с ними трудно было воевать, хотелось замотать в тугой узел и не распускать. Но Сара не делала этого, она не хотела заточить их в плен с помощью резинки для волос. — Но тебе необходимо затаиться где-нибудь в глуши и желательно надолго.

— Как пантере перед прыжком.

— Верно, — кивнула та и спокойно откинулась на спинку кресла.

Сара оказалась здесь тоже не просто так: в Лос-Анджелесе она столкнулась с криминальным миром лицом к лицу, ее парень — мелкий торговец кокаином. А сюда она попала благодаря своим родителям. Сара была не из бедной семьи. У родителей имелись деньги на оплату психиатрического лечения, которое поможет ей понять, что связь с тем парнем не самый лучший вариант в жизни.

Именно благодаря Саре Диана узнала, что здесь лечат тех, кого скрывают от посторонних глаз. И пребывание в этой клинике стоит столько, что можно купить пару островков в океане. Бесспорно, за нее платил Стефано, она не сомневалась в этом, ведь такие деньги есть только у него. А тот, кто платит, тот диктует свои правила, поэтому Ками

не пускали к ней. Приходила только мама. Господи! Мать, которая после переезда в Аризону и замужества забыла о дочери, вдруг резко о ней вспомнила. Или ей напомнили? Оставалось догадываться. Но по договору, с которым ознакомил Диану доктор Ноттис, она должна после выписки уехать в Аризону и в течение первого года свободы каждый месяц приезжать в клинику для беседы. Наверное, чтобы доказать, что она не думает о самоубийстве.

Ее вылечили, помогли понять, насколько ценна жизнь. Она не думала больше о своей смерти, но... теперь она думала о смерти других.

— Не забудь, Ди, — напомнила Сара, — Тодд Стивенс.

Диана кивнула и слегка улыбнулась. Она не забудет, ведь именно этот человек ей вскоре понадобится для осуществления ее плана.

Через пару недель Диану выписали, это было волнующее событие. Два года, проведенные в заточении, лишили ее самостоятельности. Сложно снова начинать жить, но это просто необходимо сделать.

Она вышла за бетонный забор, и мать тут же бросилась к ней. Около автомобиля она увидела Алекса, того самого мужчину, к которому мать ушла от отца. Сейчас не хотелось об этом думать, и Диана вдохнула полной грудью воздух, который пах свободой, приближающей ее к воплощению задуманного.

Наши дни Аризона, США

Диана сидела в машине Алекса и наблюдала за проносящимися за окном пейзажами. Она слышала, как на заднем сиденье поскуливает Дик, у которого отняли добычу, и спросила:

— Может, мы отдадим утку Дику?

— И тогда он перестанет нам их приносить, а начнет есть, — Алекс даже не взглянул на нее, внимательно наблюдая за дорогой, — нельзя давать поблажку, даже раз. Это станет для него обыденностью...

— ...И перерастет в наглость...

— ...Или в привычку.

— Согласна, — кивнула девушка и уселась поудобнее.

— Ты очень меткая, Диана, наша охота всегда заканчивается удачей. — Вот теперь Алекс взглянул на нее, но затем снова отвернулся, продолжая следить за дорогой. Он прав: ее сердце было разбито, сердце разодрано в клочья, она потеряла многое, но меткость осталась при ней.

Удивительно, что Алекс разрешил Диане взять в руки ружье. Мать была категорически против. Разразился скандал, но Алекс победил: «Докажи дочери, что она здорова, иначе она будет чувствовать себя сумасшедшей всю жизнь! Просто поверь ей!»

После этих слов Диана иначе взглянула на отчима. А вскоре в чужом штате он и вовсе стал для нее самым близким. Нет, в разговорах они не касались ее прошлой жизни, эта тема была запретной. Не посвящала Диана его и в свои планы. Но Алекс много для нее сделал, он занимал ее чем угодно, не оставляя времени на грусть и воспоминания.

Диану мучили вопросы, которые она боялась задать. Как мать узнала, что дочь находится в психиатрической клинике? Что заставило ее приехать и забрать Диану? Или кто? Хотя несложно догадаться.

Темы убийства Лео и всего, что последовало за ним, они не касались. Молчала даже мама. Казалось, что жизнь началась заново: чистый воздух, километры полей и уют сельской жизни помогли восстановиться и набраться сил. За

год, проведенный здесь, Диана расслабилась. Можно было остаться в Аризоне навсегда, но как можно жить спокойно, когда душа требует мести и справедливости? Гриф не победил, это не финальная точка. Только пауза в роковой игре.

Автомобиль свернул на грунтовую дорогу и остановился у деревянного забора возле белого «Ситроена». Диана нахмурилась, пытаясь вспомнить, кому из соседей принадлежит эта машина.

— У меня для тебя сюрприз, Диана, — улыбаясь, сказал Алекс, — к тебе гости.

Гости?! Сердце гулко забилось в груди, заставляя кровь бежать быстрее. Кто это может быть?

— Думаю, ты будешь рада. — Алекс вышел из машины, Диана последовала за ним и выпустила Дика.

Дверь дома открылась, и на пороге показалась... Камилла. Она протянула к Диане руки, в ее глазах стояли слезы:

— Ди, господи, я так соскучилась по тебе!

Г Л А В А 2

Диана сидела напротив Камиллы, всматриваясь в ее лицо. После десяти минут объятий, криков и радости наконец настало время оценить, что изменилось за три года. Камилла стала другой: на ее ресницах не лежали тонны туши, волосы собраны в тугий хвост, что подчеркивало ее естественную красоту. Исчезли каблуки и короткие платья, девушка была в джинсах и белой футболке с надписью «Не торопись». Такую Камиллу Диана не знала, но что-то ей подсказывало, что девушка изменилась с появлением кого-то особенного в ее жизни. Она опустила голову под пристальным взглядом Дианы, как будто не хотела говорить обо всех этих изменениях в жизни. Но ведь они по-

прежнему подруги, а значит, рассказать надо все. И выслушать тоже необходимо.

Диана села поудобнее, ожидая услышать историю длиною в три года о тех, кого она знала.

— Как ты, Ди? — нарушила молчание Камилла. — Я приехала к тебе в клинику, но меня не пускали, говорили, что тебе нужен покой.

— Я в порядке, — ответила Диана, понимая, что за эти несколько лет в ее-то жизни мало что изменилось. Два из них она провела, просто разглядывая белые стены и потолок, и год училась жить заново. — Моя жизнь скучна — ферма и коровы. Расскажи лучше, как ты! Наверняка в твоей жизни больше интересного.

Камилла улыбнулась, похоже, Диана попала в точку:

— Я все так же работаю на «Скорой», особо ничего не изменилось. Только в личном плане... Я повстречала удивительного человека, с которым теперь живу. Картер Хьюз. Он пожарный.

Диана так и думала, когда оценивала внешний вид подруги: та перестала носить мини, не желая больше привлекать к себе внимание мужчин, или...

— Ками! — завизжала Диана и крепко обняла подругу. — Это потрясающая новость! Ты вышла замуж!

— Нет-нет, — засмеялась Камилла, — еще не вышла, но он сделал мне предложение.

Диана уселась рядом, темные волосы подруги касались ее. Боже! Хоть одна хорошая новость. Новость, от которой хотелось радостно кричать. Может, все не так плохо и сейчас Камилла засыплет ее хорошими новостями.

— Ты приняла его предложение?

— Я сказала, что подумаю.

— Как? — удивилась Диана и тут же нахмурилась. Если человек хочет жить с другим человеком всю жизнь, то он